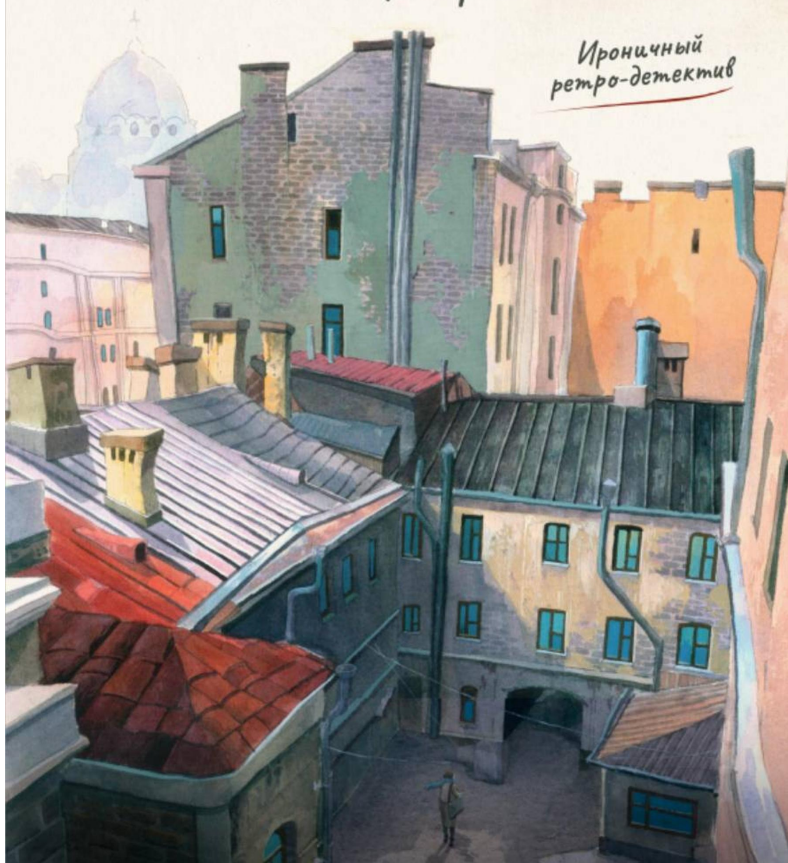

Убийство в Ленинграде

Анна Федорова

*Ироничный
ретро-детектив*

Анна Федорова

Убийство в Ленинграде

<https://litres.ru/74634718>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ленинград, 1960-е.

Дворы-колодцы и широкие проспекты, уютные кондитерские и тесные коммуналки. Город жил своей обычной жизнью — пока в один дождливый день не прогремел выстрел.

Художник Дмитрий Воронцов случайно становится свидетелем убийства. Молодая девушка умирает у него на руках. Перед смертью она просит сжечь её дневник. Но Воронцов не может его уничтожить.

В дневнике — чужие тайны, отравления и семейные интриги. А ещё — имя человека, который может оказаться убийцей.

Воронцов не следователь и не сыщик. Он художник, привыкший подмечать детали, которые ускользают от других. Но чем ближе он подбирается к разгадке, тем опаснее становится расследование. Ведь убийца рядом. И он не остановится.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	34
Глава 5	50
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Анна Федорова

Убийство в Ленинграде

Глава 1

ИГРЫ СУДЬБЫ

Двадцать третьего апреля 1966 года в Ленинграде молодая девушка открыла дверь убийце.

Дмитрий Алексеевич Воронцов вышел из парадной дома, где снимал комнату, в девять утра. Он взглянул на холодное дождливое небо и с досадой подумал, что плащ и зонт остались дома. Но время поджимало, и возвращаться было нельзя. Дело предстояло важное и не требовало отлагательств.

Воронцову было тридцать два года. Высокого роста, хорошего сложения, с тёмно-русой шевелюрой. По профессии — художник-портретист. Несколько лет назад он успешно окончил Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина. Сейчас его работы пользовались популярностью у заказчиков благодаря умению передавать не только портретное сходство, но и характер человека. Он мастерски подбирал цветовую палитру, точно улавливал эмоции и создавал атмосферу, раскрывающую характер каждого героя.

У него была страсть к рисованию. В кожаном портфеле всегда лежали блокнот и несколько остро заточенных графитовых карандашей. В метро Дмитрий Алексеевич нередко пропускал свою остановку и опаздывал на работу, если в вагоне напротив него садилась симпатичная девушка, старик с глубокими морщинами или ребёнок с живой улыбкой. Не раздумывая, он открывал блокнот и начинал рисовать лицо — снова и снова, пытаясь уловить сходство и запечатлеть облик. Но результат часто его не устраивал, и он принимался сначала. Попутчик не замечал, что внезапно стал чьей-то музой. Зато люди, сидевшие по соседству с художником, украдкой поглядывали на рисунок и на натурщика — и тихо удивлялись поразительному сходству.

Поход в магазин за продуктами нередко заканчивался тем, что Дмитрий Алексеевич обнаруживал себя на лавочке в сквере уже в сумерках: рядом лежала пустая авоська, а в руках были блокнот и карандаш — он увлечённо делал набросок человека, сидящего неподалёку.

Но была у Дмитрия Алексеевича и другая страсть — молодая и прекрасная Екатерина Алексеевна, чьи красота и грация пленили его взор. Но судьба была жестока: она была замужем за человеком влиятельным и уважаемым, и их союз казался безупречным.

Екатерина Алексеевна каждое утро выгуливала свою белую мохнатую болонку Матильду. Неспешно идя по Клинскому проспекту, девушка улыбалась прохожим, здороваясь

лась со знакомыми и невольно любовалась собой, проходя мимо стеклянных витрин. Особенно ей нравилось бывать в саду им. А. С. Грибоедова («Олимпия»), здесь Екатерина любила посидеть на скамейке, наблюдая за редкими прохожими и слушая весенний шум города.

Иногда она раскрывала книгу и прочитывала несколько страниц, лениво перелистывая их тонкими пальцами. Собачка в это время сидела у её ног, настороженно поглядывая на голубей.

Завершив прогулку, Екатерина Алексеевна заходила в кондитерскую, чтобы отведать миндальные пирожные или нежный пломбир в креманке. Чашка ароматного кофе или какао придавала её дню особое настроение.

Дмитрий Алексеевич изучал её привычки: где она гуляет, в какие магазины заходит, на какой скамейке в парке сидит и какую книгу читает.

Он узнал, что по субботам, около десяти утра, Екатерина Алексеевна приходит в дом № 22 на улице Бронницкой, проводит там около часа, а затем в хорошем настроении продолжает свою прогулку.

В его душе зародилось подозрение, что она посещает тайного поклонника. Эта мысль была мучительной.

О причинах загадочных визитов в дом № 22 Дмитрий Алексеевич узнал неожиданно и довольно скоро. В понедельник, 18 апреля, он побывал в БДТ (Большой драматический театр имени Г. А. Товстоногова) на премьере спектакля

«Идиот» с Иннокентием Смоктуновским. В антракте он случайно столкнулся со своим школьным товарищем — Огурцовым Николаем. Они обрадовались друг другу, обнялись и решили выпить в буфете по сто грамм коньяка и закусить бутербродами со слабосолёной сёмгой.

В буфете стоял привычный театральный шум: звон рюмок и возбуждённые споры о спектакле.

За разговором выяснилось, что Николай живёт в коммунальной квартире, работает журналистом, пишет статьи для газеты «Ленинградская правда», любит посещать кафе на углу Невского, а его соседка по квартире — гадалка.

— Эх, брат, это настоящая провидица, таких одна на миллион, — говорил Огурцов Воронцову. — Потомственная цыганка. Зовут её Зара. Ходят к ней люди важные и серьёзные... Сам видел! Не дураки же они все? Значит, дело говорит. Карты разложит, внимательно посмотрит и всё тебе расскажет: и прошлое, и настоящее, и будущее.

Приходил к ней один влиятельный и богатый англичанин. Спрашивал, какой товар ему выбрать, чтобы расширить торговлю в Европе. Она карты разложила, посмотрела и говорит ему: «Тебе жить осталось неделю. Убьют тебя». Тот вскочил, опрокинул стул и закричал на ломаном русском: «Да как вы смит! Эй позову мэлиша! Эй чнайду на вас оправу».

Выбежал из квартиры и больше не появлялся. А через неделю его и правда нашли — с ножом в спине. В нашей газете заметку печатали. Я на место убийства ездил, тело ви-

дел. Каково? Хочешь верь, хочешь не верь...

Вот ещё случай, — продолжал Огурцов, понизив голос. — Похитили девочку двух лет в Михайловском саду. Няня отвернулась всего на минуту, а следовательно потом сказал — её специально отвлекли. Ты бы видел этих родителей... Мать за четыре дня вся поседела. Пришли к гадалке. А она им и говорит: «Вернут вам дочку. Денег не попросят — другим возьмут».

— И что? — спросил Воронцов, чувствуя, как по спине пробежал холодок.

— Нашли. На четвёртый день. В том же саду, на той же скамейке. Живая. Только... — Огурцов допил коньяк и поморщился. — В больнице обнаружили шрам. Оказалось, пока девочка была у них, ей удалили почку. Вот так, брат.

— А тебе раскладывала? — с ужасом спросил Воронцов.

— Мне-то зачем? Живу — не тужу. Вот ты послушай лучше, какая к гадалке дама ходит по субботам, просто цветочек. Стройная красотка, балерина, а собака у ней лохматая, смешная. Ещё кличка — обхохочешься — Матильда, — и Огурцов залился безудержным смехом.

От этих слов Дмитрий Алексеевич замер: речь шла о его возлюбленной — Екатерине Алексеевне! В этом не было никаких сомнений. Значит, она ходит к гадалке, соседке Огурцова. Как, однако, тесен мир.

— Николай, можно я приду к тебе в ближайшую субботу и подслушаю из твоей комнаты, что гадалка балерине говорит?

— умоляюще спросил Дмитрий Алексеевич. — Это очень важно для меня.

Воронцов и сам не ожидал таких известий, но план созрел у него в голове за долю секунды. Слова уже были сказаны. Огурцов опешил, прищурился и снова расхохотался.

— Думаешь, мне жалко? Конечно, приходи! Дом-то старый, стены царские — в 1907 году строили, на совесть. Тогда в этой квартире жила одна интеллигентная семья, комнаты проходные были, анфиладой. А после семнадцатого всё перекроили: проходы заложили, сделали коммуналки. Где бывший проход заделали — там слышимость хорошая. Чужую жизнь поневоле слушаешь. Ишь, какой ты донжуан, оказывается. Повеселил меня! Только вот что: в субботу я с утра в редакции. Ключ оставляю под ковриком. Моя комната первая, направо.

На том и договорились.

Наступила долгожданная суббота. Промозглое утро. Дмитрий Алексеевич торопился, чтобы поскорее попасть в коммунальную квартиру Огурцова и не пропустить встречу Екатерины Алексеевны с цыганкой.

Вот и парадная. Здесь полумрак: стены окрашены бежевой краской, местами облупившейся. Широкая лестница и давно немытое, затянутое паутиной прямоугольное окно под самым потолком. Перила украшала тяжёлая металлическая решётка с коваными завитками и двумя крупными цветками посередине. Поднявшись на третий этаж, Воронцов оста-

новился и прислушался. Тишина. Он отогнул дверной коврик, схватил медный ключ, вставил его в замочную скважину и осторожно повернул. Дверь отворилась, и он оказался в длинном тёмном коридоре. Направо, первая комната, как сказал Огурцов. Дмитрий Алексеевич повернул ручку, и дверь негромко скрипнула, открываясь. Он вошёл в просторную комнату с двумя окнами. На высоком потолке — лепнина и массивная бронзовая люстра с канделябрами. В углу — каминная печь с белыми потрескавшимися изразцами — остаток былой роскоши доходных домов.

У окна стоял тяжёлый дубовый стол на резных ножках, покрытый зелёным сукном. Рядом — двухместная кровать и книжный шкаф со стеклянными дверцами из того же гарнитура. Потёртое кресло, обитое зелёным бархатом, с широкими подлокотниками и округлой спинкой.

Обои были старые, дореволюционные — бледно-зелёные, с почти выцветшим узором из тонких ветвей. На стене висела репродукция картины художника Жана-Этьена Лиотара «Прекрасная шоколадница» в массивной позолоченной раме. На картине была изображена миловидная девушка, несущая поднос со стаканом воды и чашкой шоколада. Она в чепчике, с румянцем на щеке, и из-под платья кокетливо выглядывает ножка в ботиночке. Вся картина словно наполнена тихой прелестью и грацией.

Художник на мгновение задержался у портрета и с восхищением принялся рассматривать фарфоровую хрупкость

образа и тонкую технику пастели на пергаменте.

Наручные часы показывали девять тридцать. В комнате было пыльно и душно. Дмитрий Алексеевич уже подумал, не открыть ли окно, но в прихожей слышались голоса и хлопнула входная дверь.

— А ты не ждала меня? — вдруг через стену отчётливо прозвучал мужской голос.

Воронцов вздрогнул: «Эка оказия... Кто пришёл к гадалке?»

По голосу художник предположил, что посетитель высокий, как шкаф, плечи широкие, кулаки огромные. Если такой рассердится, то никому не поздоровится...

Женщина ответила, но слишком тихо. И Дмитрий Алексеевич не разобрал слов.

— Я за деньгами пришёл. Обмануть хотела?!

Голос был грубый, сердитый. Женщина отвечала негромко. Слышалась возня — видимо, хозяйка открывала комод.

— Давай, давай скорее. Всё здесь? А, сам сосчитаю! — незнакомец уже не сдерживал себя. — Рассказали люди добрые, как ты с этим мильтоном разговаривала. Сдать меня хотела? Ух, проклятая!

Раздался выстрел, затем — звук падающего тела на пол. Всё произошло быстро и неожиданно.

В коридоре слышались тяжёлые шаги и хлопнула дверь. Воронцову стало страшно. Руки дрожали, ноги не слуша-

лись. То, что в соседней комнате произошло убийство, — в этом не было никаких сомнений!

«А вдруг женщина ещё жива и нуждается в помощи?» — мелькнула мысль.

Он вскочил, резко пошатнулся и чуть не упал. Собрав все силы, на негнувшихся ногах добрался до двери и украдкой выглянул в коридор. Тихо.

Пройдя на цыпочках, он заглянул в мрачную комнату. Первое, что бросилось ему в глаза, — женская фигура на полу и тёмная лужа крови. Воронцов мгновенно очутился рядом с раненой, нащупал пульс. Она была жива. Злодей выстрелил ей в живот.

В комнате ещё стоял едкий, удушливый запах сгоревшего пороха. Воронцов закашлялся, но не отвёл взгляда от девушки.

Но это была не цыганка! Перед ним лежала молодая, светловолосая, очень хорошенькая девушка в голубом платье с белым поясом.

«Что же делать?.. Что же делать?» — мысли крутились в голове. «Вдруг убийца ещё на лестнице? Как позвать на помощь? Нужен врач и милиция...»

Ещё секунда, и девушка открыла глаза.

— Полотенце... там... — едва слышно прошептала она.

Воронцов подскочил к комоду, схватил первое попавшееся бельё и протянул ей. Девушка прижала ткань к животу.

— Я сейчас умру... — её побелевшие губы скривились в

горькой усмешке.

— Я немедленно позову доктора, — сказал Дмитрий Алексеевич. — Вас обязательно спасут!

— Там... в третьем ящике стола... мой дневник... в синей обложке. Пожалуйста, возьмите его и сожгите. Если узнают, что он у вас... вы нежилец... — с усилием прошептала она и закрыла глаза.

Воронцов бросился к столу. Под ворохом бумаг нашёл книжку в синем переплёте, сунул её во внутренний карман пиджака и вернулся к девушке. Коснулся её лба, сжал руку. Она слабо дышала.

Дмитрий Алексеевич вскочил и выбежал из квартиры.

На улице лил дождь. Вода струилась по мостовой, неистово дул ветер, гремел гром. Художник побежал за угол дома к телефонной будке. Сначала набрал номер неотложки, затем — милиции.

Крутя номеронабиратель, Воронцов взглянул на свои руки и с облегчением вздохнул. Перчатки он надел не зря: значит, его отпечатков в квартире не осталось.

Несколько дней назад он случайно обжёг руку кипятком, заваривая чай. Ожог был небольшой, но выглядел пугающе. Поэтому Дмитрий Алексеевич надел бежевые замшевые перчатки под цвет костюма: сейчас на них были ярко-красные пятна крови.

Глава 2

ИЗОЛЬДА БРОНИСЛАВОВНА

Изольда Брониславовна Замойская, старушка восьмидесяти или чуть больше лет, в прошлом знатная дама польского происхождения, проживала в коммунальной квартире на улице Рузовской, в доме 17.

Её родители были людьми богатыми и высокородными, к несчастью, они умерли рано. Когда Изольде было десять лет, а её сестре Берте — восемь, девочки остались сиротами. Первым скончался отец: он заболел туберкулёзом и угас за несколько месяцев. Матушка не смогла пережить потерю горячо любимого мужа — погоревала и через год тоже отошла в мир иной.

Родственники со стороны отца определили девочек в Училище ордена Святой Екатерины. Там они провели семь лет и получили хорошее образование: выучили немецкий и французский языки, занимались пением и музыкой, танцевали, освоили рукоделие и светские манеры.

По настоянию родни Изольда в семнадцать лет вышла замуж. Своего жениха она впервые увидела за неделю до венчания.

Брак их продлился два года. Муж её, Илиодор Станиславович Замойский, польский граф, пьяница и игрок, просадил всё состояние в карты за одну ночь, да так и не сумел

отыгаться. Возвращаясь домой зимним утром во хмелю и в расстроенных чувствах, он поскользнулся на льду, расшиб голову и скончался на месте.

Со своей родной сестрой Бертой Изольда Брониславовна рассорилась, когда ей было двадцать лет. Причиной стала скандальная история, связанная с одноглазым дворянином Брехуновым А. Н.

Берта без памяти влюбилась в этого человека. Тот отвечал ей взаимностью, клялся в любви, голубки готовились идти под венец.

Но всё же одним глазком Брехунов А. Н. рассмотрел, что Изольда Брониславовна — «душка» и чудо как хороша. Недолго думая, он признался в любви и ей и сделал предложение.

Новоиспечённая пара собралась бежать за границу. К несчастью, нашлись свидетели этого намерения, и разразился громкий скандал. Сёстры разругались и больше уже никогда не помирились.

Что стало с господином Брехуновым А. Н., который погнался за двумя зайцами и посеял раздор между сёстрами, уже никто с уверенностью не скажет.

Изольда Брониславовна окончательно разочаровалась в мужчинах и больше никогда не вышла замуж. Сейчас она была стара, одинока и бездетна. Близких родственников у неё не осталось, а дальние не искали общения с ней. Кому нужна старуха и притом нищая? Маленькая комната и несколь-

ко дорогих сердцу вещей, сохранившиеся с той далёкой, когда-то обеспеченной жизни, — вот и всё её богатство.

Комната Изольды Брониславовны была единственной с балконом в коммунальной квартире. Здесь старушка любила пить кофе. Деревянный столик она покрывала кипенно-белой узорчатой скатертью из льна, ставила высокий фарфоровый кофейник с рисунком из золотых роз. Кофейник был дореволюционный, из Германии, фирмы Lindner. Хозяйка им очень гордилась. Ах, а какие были чашки от этого сервиза: из тонкого фарфора, изящные, позолоченные! Увы, до этих дней уцелела лишь одна.

Каждое утро Изольда Брониславовна, умывшись, укладывала свои белые волосы в виде волны, а сзади собирала в небольшую гульку. Наряжалась в платье и жемчужные бусы, красила губы неизменно красной помадой и, надушившись Guerlain, шаркала на общую кухню.

Она согревала кофейник горячей водой, засыпала перемолотые кофейные зёрна и заливала их кипятком. Потом до полудня сидела на своём балконе, завернувшись в клетчатый плед, и читала роман Чарльза Диккенса «Холодный дом».

Со временем балкон обветшал. Весной из ЖЭКа приходил с проверкой товарищ Хрюкин А. Р. и настрого запретил выходить туда.

— Обвалится, в аварийном состоянии, — громко объявил он. — Балкон разрушается, а денег на ремонт нет! У вас, может, деньги есть? — подозрительно шурился Хрюкин, свер-

кая чёрными глазками.

Старушка разводила руками и вздыхала.

— И у нас нет! Увижу ещё раз — мамой клянусь, оштрафую!

Упрямо пренебрегая наставлениями Хрюкина и распекая его мать, Изольда Брониславовна, тем не менее, каждое весеннее утро устраивалась на своём балконе с чашкой крепкого кофе.

Детей сестры она никогда не видела и даже не знала наверняка, были ли они у Берты. Каково было её изумление, когда на пороге коммунальной квартиры появился худой светлокудрый юноша и назвался её внучатым племянником — Миколоаем.

— Здравствуйте, Изольда Брониславовна. Как долго я вас искал! — воскликнул родственник. — Сколько вам лет? Как ваше здоровье? Посмотрите — это фотография моей бабушки Берты Брониславовны. Вы помните её? Она умерла тринадцать лет назад.

Молодой человек протянул старушке помятый чёрно-белый снимок. На фотографии была изображена худая женщина в длинном платье и с высокой причёской.

Изольда Брониславовна долго всматривалась в карточку и не узнавала сестру. «Берта была младше меня на два года... — думала она. — Поссорились мы, когда ей было восемнадцать. Красавица была... Потом мы не виделись... А этой женщине на снимке лет пятьдесят... Поди разберись, она это

или нет».

Она нахмурилась и покачала головой.

— Какое счастье, что я вас нашёл! — не унимался Миколлай.

Он протянул ей коробку шоколадных конфет «К звёздам».

— Это вам. Угощайтесь на здоровье.

Изольда Брониславовна пригласила гостя в комнату, налила ему горячего кофе, а он между тем продолжал рассказывать.

— Моя бабушка вышла замуж за полковника Василия Александровича Тырина. Он был старше её лет на двадцать, но жили хорошо, в достатке. У них родилось трое детей: моя мама — Мария и два сына — Пётр и Павел. Мои дяди служат в Воронеже, пошли по стопам отца. Вы, может, слышали про них? Недавно в газете писали: «Тырины — наша гордость». Хорошая вышла статья с фотографиями.

— Нет, не видела, — удивлённо ответила Изольда Брониславовна.

— Когда бабушка умерла, дед погоревал год и женился на цветочнице Нелли. Красивая женщина: глаза карие, волосы чёрные, как антрацит. И у них родилось трое детей.

— Господи помилуй, ещё трое? — всплеснула руками старушка.

— Она была молодая и здоровая, вот и рожала. Ровесница моей мамы. Ещё хотела детей, да дед не позволил — устал,

говорит, кормить всех. Моя мама вышла замуж за польского капитана, и родился я.

— И сколько тебе сейчас лет? — спросила Изольда Брониславовна.

— Двадцать три будет через месяц. Я на государственной службе. Сегодня мне поручили расследовать дело об убийстве. Для этого мне нужно было найти человека, который живёт в доме на Рузовской, 17. Просматривая списки жильцов, я случайно увидел ваше имя. Обрадовался! Понял, что это, должно быть, вы: фамилия Замойская, отчество такое же, как у бабушки, и возраст сходится. Бабушка о вас почти ничего не рассказывала. Только перед самой смертью просила мужа и сыновей, чтобы они разыскали вас. Всё плакала и повторяла: «Прости, Изольда... Прости. Помоги, Господи, нам увидеться прежде, чем я умру...» Где вас искать, никто не знал. Она даже вашу фамилию не могла вспомнить из-за болезни. Помню, мне было десять лет. Меня подвели к её кровати, она уже лежала совсем слабая. Вдруг глаза открыла, схватила меня за руку и сказала: «Найдёшь Изольду, отдай ей серьги с бриллиантами, которые храню в красной коробочке. И скажи, что я люблю её... Фамилия Замойская».

Она не отпускала мою руку, пока я несколько раз не пообещал всё исполнить. Через день после этого разговора бабушки не стало. Но я запомнил и фамилию, помню и про серьги в красной коробочке. Я обязательно принесу их вам — в следующий раз.

Изольда Брониславовна плакала и вытирала глаза платком. Она вспомнила сестру, свою молодость, беспутного мужа — вся жизнь пролетела мгновенно. Слезы печали сменились слезами радости: у неё появился родственник. Теперь она не одинока.

— Кого же ты ищешь в нашем доме? Может быть, я смогу помочь?

Миколай многозначительно посмотрел на старушку.

— Ещё как сможете! Меня интересует ваш сосед по коммунальной квартире — Дмитрий Алексеевич Воронцов.

Глава 3

ДОБРАТЬСЯ ДО ПРАВДЫ

Дмитрий Алексеевич торопился домой. Мысли путались, голова разболелась.

Он неожиданно стал свидетелем убийства и, возможно, теперь сам мог оказаться под подозрением.

Если кто-то из жильцов видел, как он выходил из парадной, то непременно сообщит об этом в милицию.

Чья это пыльная комната? И где на самом деле живёт Огурцов? Ведь он уверял, что его соседка — цыганка. И почему ключ лежал под ковриком, если это, возможно, не та квартира?

«Нужно найти Николая и рассказать ему обо всём. И ещё дневник девушки... Прочитаю, что в нём написано, а потом уже приму решение, как действовать дальше... Хотя несчастная предупреждала: если кто-нибудь узнает, что её записи у меня, я — нежилец... Какая же тайна кроется за этим убийством?»

Воронцов жил в коммунальной квартире на Рузовской улице, в доме 17, на шестом этаже. Дом был построен в 1910 году в стиле модерн архитектором А. Ф. Барановским.

Войдя в свою маленькую, но уютную комнату, он первым делом спрятал дневник, затем переоделся. После этого налил в таз холодной воды и стал тщательно стирать перчатки

хозяйственным мылом. Кровь была свежая, и пятна вымывались легко.

Покончив со стиркой и совершенно обессилев от пережитого, Воронцов присел на диван, а через минуту уже спал. Ему снилась молодая девушка в голубом платье. С раной в животе она тянула к нему окровавленные руки и умоляла сжечь её дневник.

Дмитрий Алексеевич проснулся к вечеру и, несмотря на неприятный сон, почувствовал себя значительно лучше. Теперь необходимо было купить газету и узнать подробности случившегося.

В ближайшем киоске «Союзпечати» он приобрёл вечерний выпуск и начал читать:

— Так, где же... Вот... «Сегодня утром в собственной квартире на улице Бронницкой была найдена убитой выстрелом из огнестрельного оружия Ростопчинская Елизавета Владимировна, 19 лет. Прибывшие на место происшествия сотрудники милиции и бригада неотложной помощи обнаружили тело девушки. Подробности дела в интересах следствия не разглашаются». Значит, Лиза... Не спасли тебя...

Воронцов понял, что теперь ему самому придётся разобратся в этом деле. Но для начала нужно прочитать записи. Он вернулся в свою комнату, достал из тайника спрятанный дневник и открыл его на первой странице. Почерк у Елизаветы был аккуратный и округлый.

24 декабря 1965 г.

Скоро Новый год! У нас будет высокая нарядная ёлка, придут друзья и родственники. Снега в этом году — целые сугробы. Маменька составила список блюд, которые будут на праздничном столе. Нас ожидает королевский пир! Надеюсь, что придет В.

Серёженька мечтает о железной дороге и сегодня написал письмо Деду Морозу. Но этот подарок купили ещё в октябре, когда папенька ездил по делам в Москву. Как он обрадуется! Ему всего восемь лет, а он уже такой умный мальчик.

Сегодня из Смоленска на поезде приехали моя тётка Се-
рафима Ивановна и её дочь Агафья — румяная с дороги, в новом пальто, полная противоположность матери: тихая, сдержанная и даже немного застенчивая. Тётка привезла с собой восемь чемоданов платьев.

Она сразу же заперлась с папенькой в кабинете. Проходя мимо, я услышала, как она сказала:

— Надо найти покупателя через знакомых коллекционеров.

Дальше подслушать не удалось: в гостиную вошла Агафья, и я предложила ей пойти покататься на коньках.

27 декабря 1965 г.

Приготовления идут полным ходом. Чувствуется приближение праздника. Все весёлые и счастливые. Наш Фёдор

Степанович, девяностолетний старик-ворчун, сегодня был в прекрасном настроении и перед обедом учил нас танцевать вальс. Все смеялись и хлопали в такт.

Одной лишь мне тревожно. От В. никаких известий. Приедет ли он? Мы вчера с Агафьей ворожили, и вышло, что мы с ним будем вместе. Она спросила, на кого я гадаю, но я только засмеялась и ничего не ответила.

Папенька сообщил, что после праздников поедет в Ленинград по делам. Я попросилась с ним, но он сказал, что не в этот раз. Они с моей тётёй постоянно закрываются в кабинете и о чём-то горячо спорят.

30 декабря 1965 г.

В нашем доме творятся странные дела! И в этом замешана Серафима Ивановна. Но обо всём по порядку.

Вчера после обеда я пошла в гостиную, где накануне оставила свою книгу, и, проходя мимо папенькиного кабинета, заметила, что дверь приоткрыта. Я заглянула внутрь, осмотрелась — подумала, может, Матрёна убирается, — но, к моему удивлению, там никого не было.

На столе лежали какие-то бумаги. Сгорая от любопытства, я подошла ближе и в этот момент услышала голоса в гостиной. Не желая быть замеченной, я спряталась за длинную, тяжёлую портьеру и замерла.

В кабинет вошли отец и тётка. Они были увлечены разговором и не заметили лёгкого шороха, который произвела я.

По голосу было слышно, что Серафима Ивановна волнуется:

— Владимир, ты не должен переживать из-за этой случайности... Что было, то было... На всё воля божья.

— Серафима, как ты можешь такое говорить! Какая случайность? Девушку отравили ядом!

— Ой, что ты, Владимир... Она болела и постоянно кашляла. Вот тебе крест! Слабенькая была...

Отец ходил по кабинету. Тяжело вздыхал.

— Дело дрянь, — наконец сказал он. — Сейчас милиция начнёт расследование, и тебя посадят.

Тётка заплакала, но, кажется, она не до конца верила словам папеньки.

— Мы заплатим! Продадим эту картину и решим вопрос!

— «Эту картину», — передразнил отец. — Ты не забыла, что продавать её без разрешения владельца — воровство?

У меня закружилась голова. Я едва удержалась, чтобы не выдать себя за портьерой.

В кабинет постучали. Вошла Матрёна и сообщила, что приехал В.

3 января 1966 г.

Праздник удался. Я счастлива!

В. сделал мне предложение, и папенька благословил наш союз! Мы много времени проводим вдвоём: гуляем, читаем, говорим о любви и о будущем.

В. привёз мне подарок — золотое кольцо с кашмирским сапфиром в виде лилии. Я уже представляю себя замужней женщиной.

Вечером накануне праздника я спрашивала у Агафьи, как у них дела в Смоленске, но она отвела взгляд и тихо произнесла, что всё хорошо. Безусловно, она скрывает то трагическое происшествие, о котором я услышала в кабинете. Что за несчастная была отравлена и действительно ли в этом замешана тётка? Попытаюсь выяснить.

В. я ничего не рассказала. Зачем его расстраивать?

8 января 1966 г.

В. уехал после Рождества — его вызвали на службу. Обещал приехать в начале февраля. Очень грустно было с ним расставаться. Как же я его люблю!

Едва он уехал, я сразу села и написала ему письмо. Завтра отправлю почтой.

9 января 1966 г.

Папенька уехал по делам в Ленинград. Я пыталась поговорить с ним перед отъездом, но он был уставший и рассеянный, и я не решилась его тревожить.

Вечером в нашем доме произошла странная история.

Учитель Серёженьки, Степан Семёнович, заговорил за ужином о ядах. Он рассказал, что бывают такие, когда человек выпьет стакан воды и ничего не почувствует, а через ми-

нуту будет лежать мёртвый.

Зачем он завёл такой разговор? Возможно, он что-то слышал или подозревает? Я испугалась. Но всем присутствующим тема показалась интересной, и её с удовольствием подержали.

Фёдор Степанович, наш старик, сказал:

— Всё есть яд, любое лекарство, то и другое определяет доза.

Маменька рассказала историю о жене Ивана Грозного — Анастасии Захарьиной. Многие историки уверены, что её отравили.

Софья Владимировна, няня Серёженьки, поведала, что правители Медичи специально нанимали учёных, которые разрабатывали яды и доводили их до совершенства. Эти яды не имели ни вкуса, ни запаха. Бывали даже книги с отравленными страницами, духи, косметика, одежда, которые потом дарили неугодным людям.

Я украдкой посмотрела на тётку, но она была совершенно невозмутима. Агафья поперхнулась едой и закашлялась.

Я была в полном недоумении. Решила завтра поговорить с учителем. Возможно ли, что это совпадение?

10 января 1966 г.

Сегодня утренним поездом к нам приехал муж Серафимы Ивановны — Антон Иванович Липужин.

Тётка была радостная и, видимо, очень ждала своего су-

пруга. Чего нельзя сказать об Агафье: она стояла в стороне и спокойно отнеслась к приезду своего папеньки.

Гостя сразу усадили за стол и начали поить горячим чаем из самовара. К его приезду наварили щей и напекли целую гору пирогов — с рыбой, мясом и яблоками.

Я тихонько вышла из гостиной и решила во что бы то ни стало поговорить с учителем. Матрёна сказала, что он в саду.

На улице было морозно. Крупными хлопьями падал снег, а сугробы на солнце переливались, словно сахарные.

Учитель сидел на скамейке. Увидев меня, он улыбнулся и протянул руку.

— Елизавета Владимировна, рад вас видеть! Почему вы не пьёте чай со всеми? Пироги у Матрёны — объедение.

Я спросила его, как он поживает, какие у него мысли. Он удивился. Сказал, что я тонко чувствующая девушка, и признался, что у него действительно кое-что произошло.

— Расскажите, — попросила я.

Он вздохнул и ответил, что дело очень деликатное...

— Почему вы вчера за ужином заговорили о ядах? — напрямую спросила я.

Он изумился ещё больше и даже тихо засмеялся. Сказал, что никто на свете не удивляет его так, как я.

— Видите ли, произошло одно неожиданное событие... Но пока я не могу рассказать вам о нём — у меня нет уверенности. Я написал письмо своему брату. Он учёный, работает в Ленинграде и хорошо разбирается в этом вопросе. Ответ

должен прийти со дня на день. Как только всё подтвердится, я сразу вам расскажу. Я очень благодарен вашему отцу за то, что он дал мне работу и кров. Но пока не могу говорить о том, в чём сам не уверен.

Я взяла с него честное слово, что он мне обо всём расскажет при первой же возможности.

11 января 1966 г.

Утром я проснулась от громкого стука в дверь моей комнаты. Это была Матрёна.

— Ах, Елизавета Владимировна, беда-то какая! — запричитала она, вбежав ко мне.

Матрёна была крупной женщиной, и слёзы на её круглом лице тоже были крупные, как горох.

Сквозь её рыдания я поняла, что Фёдор Степанович, наш старик, умер.

— Он любит выпивать стакан молока рано утром. Сегодня я захожу к нему в комнату, несу на подносе молоко и горячий пирожок с капустой, а он лежит на кровати, — рассказывала Матрёна. — Я к нему, а он не дышит. Рядом на тумбочке стоит уже пустой стакан из-под молока. Богом клянусь, барышня, вчера вечером его там не было!

— Матрёна, успокойся. Может, он сам себе налил. Да при чём тут молоко?

— Не было у нас в доме вечером молока, милая Елизавета Владимировна. Только сегодня утром я сама надоила и сразу

к нему понесла. И на здоровье своё он не жаловался. На днях мы с ним разговаривали, и он сказал: «Я, Матрёна, до ста лет жить буду».

— И ты решила, что его отравили? Что за глупости! Кому дался девяностолетний старик? Он никому вреда не причинял — жил себе и жил, — пыталась успокоить я нашу домработницу.

— Может, вы и правы, барышня, да только вот ста-кан-то...

— Позовём доктора, и я узнаю у него причину смерти. Не переживай, — заверила я Матрёну.

Как неожиданно всё случилось. И папеньки нет дома.

Фёдор Степанович прожил в нашем доме около тридцати лет. Жена его умерла от болезни, а сын погиб при несчастном случае. Он остался один, и мой папенька предложил ему поселиться у нас.

Все относились к нему как к члену семьи. В последние годы Фёдор Степанович сделался ворчливым, иногда резким, но это же не повод его травить.

Я встала с кровати, оделась и спустилась в гостиную. Там сидели маменька, тётка и Агафья. Они оплакивали старика.

12 января 1966 г.

Доктор Сергей Афанасьевич Круглов появился вчера только к полудню. Из-за обильного снегопада он застрял на дороге. Это был солидный мужчина в очках с чёрной мас-

сивной оправой и большим кожаным саквояжем.

Он осмотрел старика и велел Кузьме грузить тело в машину.

— Повезём в морг, — сказал он. — Славный был старик... Никогда на здоровье не жаловался.

Мы вышли с доктором на улицу, и я спросила:

— Сергей Афанасьевич, вы будете делать вскрытие?

Он взглянул на меня удивлённо и беззвучно засмеялся.

— Зачем же? Старик умер от старости. Сердце остановилось или кровоизлияние — мало ли что... Годы-то немалые.

— Чтобы узнать причину смерти. Вам же нужно будет писать заключение? — не отставала я. — Есть подозрение, что его отравили!

— Вот, Елизавета Владимировна, начитались вы детективных романов — теперь убийство везде чудится. Это же старик! Отравили его... Выдумаете тоже. Кому он нужен? Послезавтра меня отсюда отправляют работать в Москву, начальство отрекомендовало. Когда мне ещё вскрытие делать?

Он недовольно поморщился, прикрикнул на Кузьму и нашего конюха Петра, которые грузили тело в машину, вскоре распрощался и уехал.

Разве это не его работа — установить точную причину смерти?

И учитель Степан Семёнович сказался больным и уже два дня не выходит из своей комнаты!

Всё происходящее меня злило.

Я зашла в комнату старика и огляделась. Здесь было прибрано, кровать оправлена. Окна открыты настежь.

На кухне я нашла Матрёну. Она сидела за столом и плакала.

— Ой, успокоиться не могу... Всё из рук валится.

Я спросила, она ли прибиралась в комнате Фёдора Степановича.

— Что вы, Елизавета Владимировна! Меня даже на порог не пустили. Серафима Ивановна всё сделала сама: кровать оправила, пыль везде протёрла и стакан вымыла.

— И стакан вымыла... — повторила я слова домработницы.

Тут Матрёна заговорщицки улыбнулась и поманила меня рукой. Она открыла один из кухонных шкафов и указала пальцем на полку. Там стоял пустой невымытый стакан из-под молока.

— Это тот самый стакан, — прошептала она. — Он появился в комнате Фёдора Степановича таинственным образом.

— Но подожди... Какой же стакан тогда помыла Серафима Ивановна?

Глаза Матрёны сделались невинными, и в них запрыгали весёлые искорки.

— Который утром принесла я... Только я перед этим выпила свежее парное молоко. Не пропадать же добру...

Дмитрий Алексеевич, увлѣкшись чтением, не сразу понял, что в его комнату кто-то настойчиво стучит.

Глава 4

ПО СЛЕДАМ

В дверь продолжали настойчиво стучать.

Дмитрий Алексеевич захлопнул дневник, схватил с батареи ещё влажные перчатки, подбежал к тайнику и быстро спрятал всё внутрь.

Осторожно открыл дверь. В коридоре стояла его соседка — старушка Изольда Брониславовна — со светлокудрым мужчиной.

— Дмитрий, здравствуй, — нетерпеливо начала она. — Познакомься: мой внучатый племянник Миколай.

Её глаза светились гордостью, когда она представляла родственника.

Воронцов внимательно посмотрел на молодого человека. Насколько ему было известно, у Изольды Брониславовны не было родни — она часто об этом говорила. Дмитрий Алексеевич жалел старушку и всегда помогал ей по хозяйству: ходил в магазин за продуктами, в аптеку за лекарствами, чинил сломанные вещи.

— Миколай сейчас расследует дело об убийстве, — продолжала Замойская.

При этих словах у художника потемнело в глазах, мелькнула мысль: «Однако как оперативно они работают!»

— Ты, может,пустишь нас в комнату? Или так и будешь

держат в дверях? — настаивала она.

У Дмитрия Алексеевича хватило сил лишь отойти в сторону и пропустить незваных гостей.

— Ну что ты побледнел? Прямо как полотно, — удивилась старушка.

— Изольда Брониславовна, позвольте, я, — сказал Миколай.

Он вышел вперёд и, протянув руку Воронцову, представился:

— Миколай Вишневский. Следовательно. Сегодня на Бронницкой убили девушку.

Дмитрий Алексеевич сел на диван. Ноги не держали. Он понял, что слишком взволнован: эти старушки, убийства — всё выбивало его из колеи.

— Вы знакомы с ней? — спросил Миколай. — У вас вид глубоко потрясённого человека.

— Нет... Не знаком, — тихо ответил он.

— Свидетели видели убийцу, — Миколай многозначительно посмотрел на Воронцова. — И мне нужно, чтобы вы завтра в семь утра пришли в отделение.

— На допрос?

— Совершенно верно. Без вас никак. Наш художник был — руку сломал, в походе неудачно упал. Я просмотрел архивы. Ближайший профессиональный художник — вы. Завтра придёте к нам с бумагой и карандашом и со слов очевидцев составите портрет. Согласны?

— Но мне ведь нужно будет предупредить на работе...

— Я уже сообщил на ваше предприятие, что вы нужны нам для следственных мероприятий, — спокойно ответил Вишневский. — Соответствующую бумагу подготовил. Так что с работы вас отпустят, можете не беспокоиться. Всё оформлено официально.

— Хорошо, — произнёс обескураженный Дмитрий Алексеевич. — Много очевидцев? Если их показания будут различаться?

— Пока четверо. Разберёмся. Главное — начать, — обнадеживающим тоном сказал Миколай.

Художник ещё раз заверил, что к семи утра будет на месте, и затем проводил неожиданных гостей.

Он был в смятении: с одной стороны, рад, что его не арестовали и не считают подозреваемым, а с другой — понимал, что это лишь вопрос времени. Зато он хотя бы узнает, кого видели свидетели, и услышит, что говорят об этой трагедии. А заодно получше присмотрится к следователю Вишневскому. Может быть, полученная информация поможет пролить свет на произошедшее...

Ровно в семь утра двадцать четвёртого апреля Воронцов стоял у обшарпанной двери милицейского участка. На стук открыл усатый милиционер. Узнав, что перед ним художник, он проводил его в небольшую комнату с одним запylённым окном.

Из мебели здесь были только прямоугольный стол и пять деревянных стульев.

— Ждите, — сказал милиционер и вышел.

Через минуту он снова заглянул в кабинет:

— Чай будете? Самовар только вскипел. Первый свидетель придёт к половине восьмого. С ним так договорились.

Усатый принёс Дмитрию Алексеевичу крепкий горячий чай в гранёном стакане с подстаканником, украшенным витым бронзовым узором.

— Угощайтесь на здоровьице. Вот баранки и конфеты. Если что понадобится — зовите. Моё имя — Михаил Николаевич.

Он немного постоял в дверях и ушёл.

Пар поднимался тонкой струйкой, но Воронцов так и не притронулся к чаю.

Он смотрел на чистый лист бумаги перед собой.

Скоро на нём должно было появиться лицо убийцы.

Через открытую дверь Воронцов услышал, как чей-то незнакомый голос спросил:

— Ты что, Михаил, и чай ему отнёс? Прислуживаешь?

— Ничего ты не понимаешь, Афанасий, — ответил тот. — Это художник. У него талант от Бога, понятие жизни есть. Я таких людей уважаю. А ты сидишь целыми днями, пишешь, бумагу мараешь — толку чуть...

В кабинет вошёл Миколай Вишневский. Сегодня он был

в синей форме с красными петлицами на воротнике.

— Доброе утро, Дмитрий Алексеевич. Рад вас видеть. Готовы? Я буду рядом. Не стесняйтесь задавать свидетелям вопросы — в нашем деле важна точность. Пока у нас четверо свидетелей, но мы продолжаем искать. Я буду записывать показания, а вы зарисовывайте.

Первой вошла женщина лет шестидесяти пяти. На ней были поношенное коричневое пальто и жёлтый шифоновый платок на голове. Она переминалась с ноги на ногу и заметно нервничала.

— Уже говорить? — спросила она.

— Да, конечно. Присаживайтесь и расскажите во всех деталях, что вы видели.

— Я пошла в магазин за хлебом и сахаром. Когда спускалась с четвёртого этажа, услышала, как на третьем хлопнула дверь. Убитая жила в квартире номер четыре. А напротив — квартира пять. Вот оттуда и вышла молодая девушка в синем пальто. Раньше я её не встречала.

— Хорошо, — подбодрил её Миколай. — В котором часу это было?

— Утром. Примерно без четверти десять.

— С собачкой? — вдруг спросил художник.

— Что? — женщина удивлённо посмотрела на него, потом улыбнулась. — Нет, одна.

— Вы вышли за ней из парадной? Куда она направилась? Можете её описать? — продолжил допрос Миколай.

— Да, она вышла и перешла дорогу к парку. Стройная, молодая, в шляпке. Синее пальто.

— Она торопилась?

— Да, шла довольно быстро.

— Кого ещё видели?

— У парадной стоял дворник, Пётр Иванович. Больше никого. Погода была дождливая — все по домам сидели, — она пожала плечами.

— Выстрел слышали?

— Нет, не слышала.

— А жертву вы знали?

— Видела, конечно. Какое несчастье! Всегда улыбнётся, поздоровается. Молодая, красивая... Недолго она здесь прожила...

— Есть что-нибудь добавить? — спросил Миколай.

— Могу про нашего дворника-пьяницу рассказать...

— Нет, спасибо, — мягко остановил её следователь. — Если вспомните что-нибудь важное, пожалуйста, сообщите нам.

Он проводил женщину и вернулся в кабинет.

— Сейчас придёт второй свидетель. Дворник. Надеюсь, он расскажет больше, — сказал Миколай.

Дворник вошёл в чёрной телогрейке, в шапке-ушанке и с метлой.

— Метлу можете оставить у входа в отделение, — посо-

ветовал Миколай.

— Не положено. Это ценный инвентарь, я за него отвечаю,
— серьёзно ответил Пётр Иванович.

— Рассказывайте: кого вы видели вчера с девяти до половины одиннадцатого?

— Мимо меня прошла старуха с авоськой. Потом мальчишка-хулиган — огрызок на тротуар бросил. А ещё мужчина в чёрном пальто вышел из парадной.

— Так... Давайте подробнее про мужчину в чёрном, — остановил его следователь.

— Во всё чёрное одет, — сказал дворник. — Шляпа с широкими полями. Трость... с набалдашником в виде совы.

— Совы? — переспросил Миколай.

— Да. Глаза у неё такие... Будто смотрят, камни жёлтые вставлены.

— Как выглядел этот мужчина?

— Усы серебристые, брови густые. Обувь — блестит, как зеркало, — перечислял дворник.

— Сколько примерно лет?

— Лет шестьдесят, может, больше. Я его мельком видел: зонт раскрыл и пошёл быстрым шагом. Торопился.

— Как же вы так быстро всё рассмотрели? — удивился Миколай.

— Так ведь он не местный, — пожал плечами дворник.
— Интересно же. И одет богато.

— Если снова встретите — узнаете?

— Обязательно.

— Лицо запомнили?

— Вытянутое. Нос длинный, губы тонкие, глаза чёрные,

— дворник даже приосанился, почувствовав, что он важный свидетель.

— Во сколько он вышел из парадной?

— Тут я вам точно не скажу, но думаю, что без двадцати десять.

С этими словами Пётр Иванович достал из кармана часы «Ракета» на длинной цепочке с изображением парусника «Адмиралтейство» на крышке. Взглянул на них — явно похваставшись — и убрал обратно.

— Хорошо, очень хорошо, — подытожил Миколай. — Что ещё можете добавить?

— Про что?

— Про мужчину с тростью.

— Про мужчину больше нечего добавить.

— Выстрел слышали?

— Нет. В это время гремел гром, а я как раз интенсивно подметал тротуар.

— Кого ещё видели?

— Молоденькая девушка вышла из парадной. Синее пальтишко, туфельки на каблуках, волосы рыжие, в причёске. То же нездешняя — раньше её не видел.

— Она вышла позже, чем мужчина с тростью?

— Да, минут через пять.

— Ещё кого видели?

— Зинаиду Михайловну.

— Она здесь живёт?

— Давно уже. Сначала к магазину пошла.

— А потом?

— Потом побежала — ливень начался, — усмехнулся дворник. — После неё я никого не видел: так как пошёл в дворницкую греться.

— Жертву раньше встречали?

— Нет, ни разу. Я вообще думал, что квартира пустует. А тут вон какие дела творятся...

Пока Вишневский допрашивал дворника, Воронцов рисовал. Карандаш в его руке двигался с поразительной скоростью: косматые брови, длинный нос, усы, тонкие губы — всё постепенно оживало на бумаге.

— Можно идти? — спросил Пётр Иванович, поднимаясь со стула.

— Посмотрите на портрет, — попросил Вишневский. — Похож? Может, что-нибудь поправить?

Дворник взглянул на рисунок и перекрестился.

— Он самый. Усы подлиннее. А так — вылитый! Вот это талант!

Охая и восхищаясь работой художника, он вышел из кабинета.

— С минуты на минуту подойдёт ещё один свидетель. Вы

начинайте с ним работать, а я присоединюсь чуть позже, — сказал Миколай и вышел из допросной.

Воронцов снова посмотрел на портрет мужчины с тростью.

Что-то в этом человеке не давало ему покоя.

Дверь скрипнула.

Дмитрий Алексеевич обернулся.

Усатый милиционер ввёл в комнату черноволосого мужчину невысокого роста в серой рубаше и в коричневых мятых штанах.

— Здравствуйте. Кого вы видели вчера утром с девяти до десяти тридцати? — не теряя времени, начал расспрашивать Воронцов, когда они остались вдвоём.

Мужчина уселся на стул, вальяжно закинул ногу на ногу и пристально посмотрел на художника.

— Тебя видел. Как ты выбежал на улицу в бежевом костюме — в ливень — и поскакал по лужам...

— Прекрасно, — спокойно отреагировал Дмитрий Алексеевич. — Вы не заметили, что я в милиции работаю?

— Сегодня кент, а завтра мент. Было б сказано — забыть успеем, — не унимался мужик.

— Обязательно расскажите об этом следователю Вишневскому, — посоветовал Воронцов, — у него особенное отношение к балагурам.

— Где вы живёте?

— В доме напротив, на втором этаже.

— Назовите точный адрес.

— Улица Бронницкая, дом семнадцать.

— Раньше встречали девушку, которую убили?

— Нет, знать не знал.

В кабинет вошёл Миколай.

— Здравствуйте! Надеюсь, ничего важного не пропустил.

Продолжайте, пожалуйста. Кого видели?

Мужик усмехнулся:

— Дворника с метлой, деда с тростью, потом из той же парадной вышла рыжая девица, а за ней баба.

— Расскажите подробнее про мужчину с тростью, — попросил следователь.

— Да чего про него рассказывать?

— Как выглядел, во что был одет? Может, какие-нибудь особые приметы?

— Не разглядывал я его. Спросите лучше у дворника — они о чём-то шептались.

— Они разговаривали? — удивлённо переспросил Миколай.

— Да.

— Во что был одет этот мужчина?

— В тёмный плащ и брюки.

«С такими свидетелями каши не сварить», — подумал Воронцов.

— Шляпа была?

— Не помню. Зонт точно был, — оживился свидетель.

— Долго они разговаривали с дворником?

— Перекинулись парой слов...

Свидетель задумался.

— А потом дед сунул дворнику денег.

Миколай медленно поднял голову.

— Деньги?

Он сделал пометку в блокноте.

— Можете вспомнить, во сколько мужчина вышел из парадной?

— В девять сорок, — подумав, ответил свидетель, загибая пальцы.

— Откуда такая точность?

— Я по радио музыкальную передачу слушал. Она началась в девять тридцать. Две песни прозвучали, потом диктор немного поговорил в эфире — вот и вышло девять сорок.

— Что можете сказать про девушку?

— Хорошенькая. Я бы с ней погулял, — загоготал мужик.

— Посерьёзнее, пожалуйста, — одёрнул его Вишневский.

— Молодая, рыжие волосы. Первый раз видел.

— Хорошо, — сказал Миколай. — Можете быть свободны.

— Как это всё?! — возмущённо воскликнул свидетель. — А про бабу? Про бабу-то в пальто вы ничего не спросили!

— Расскажите про женщину, — снисходительно сказал Вишневский.

— Чего про неё рассказывать? — тут же искренне уди-

вился тот. — Вышла из парадной, дворник ей денег дал, она их взяла и куда-то побежала.

— Как интересно, — без особого энтузиазма произнёс Миколай. — Что это за место такое, где все друг другу деньги раздают? Может, ещё что-нибудь вспомните?

Мужик исподлобья посмотрел на Воронцова и произнёс:
— Больше нечего.

— Афанасий, — позвал Миколай.

В допросную вошёл молодой милиционер.

— Приведи-ка ещё раз дворника. Похоже, он нам не всё рассказал.

— Будет сделано! — ответил тот и вышел.

Когда третий свидетель покинул кабинет, Вишневский спросил:

— Что вы обо всём этом думаете, Дмитрий Алексеевич?

— Интересен мотив. Если разобраться в механизме преступления, будет легче найти убийцу, — размышлял Воронцов. — Из-за чего обычно убивают? Измена, ревность, деньги... или страх разоблачения. Нужно искать среди знакомых — родственников, друзей... или жениха, если он был.

Миколай задумался.

Вошёл усатый милиционер и доложил:

— Следующий свидетель.

За его спиной стояла эффектная миниатюрная женщина

лет тридцати. Волосы цвета блонд были уложены в элегантную причёску. На даме были клетчатый твидовый костюм а-ля Шанель, красные туфли на высоком каблуке, в руках сумочка в тон туфлям.

— Проходите, пожалуйста, — пригласил её Миколай.

Она вошла как царица, спокойно оглядела присутствующих и опустилась на стул. От неё тянулся тонкий шлейф аромата Rose Geranium от Floris. Ухоженной рукой с красным маникюром она достала серебряный портсигар, вынула сигарету и спокойно прикурила.

— Здесь нельзя курить, — сказал Миколай.

Она медленно подняла на него глаза.

— Простите?

— Курить здесь запрещено.

Женщина несколько секунд смотрела на него, потом снова перевела взгляд на дымящуюся сигарету.

— Понимаю.

И продолжила курить.

— Где вы были вчера утром с девяти до десяти тридцати?

— устало спросил следователь.

Она немного подумала и, выпустив дым, ответила:

— Я ходила к своей портнихе. Она работает на дому: улица Бронницкая, дом семнадцать, третий этаж.

— Что вы видели?

— Она снимала с меня мерки для нового платья, а я стояла у окна. Было около половины десятого, и я заметила, что

в дом напротив зашёл мужчина в шляпе.

— Можете его описать?

— Высокий, седой, с тростью, в чёрной одежде. Лица я не видела. — Я, знаете, люблю всё красивое. Поэтому сразу обратила на него внимание. Он был одет... изысканно. Для Ленинграда редкость.

Она снова затянулась сигаретой и внимательно посмотрела на Миколая.

— Что было потом?

— Дворник вышел из арки и начал подметать тротуар. Минут через десять этот мужчина вышел из парадной. Он торопился. Начался мелкий дождик, он раскрыл зонт и перешёл на другую сторону улицы.

— Он разговаривал с дворником? — спросил следователь.

— Нет, я этого не заметила.

— Он что-нибудь давал дворнику, деньги, например?

— Деньги? — она нахмурилась. — Нет. Он вышел и сразу пошёл быстрым шагом... Дворник только смотрел ему вслед.

— Что было дальше?

— Потом из парадной вышла молодая девушка, а за ней женщина. Они пошли в разные стороны. Правда, женщина остановилась возле дворника, и они о чём-то поговорили. Кажется, тогда дворник дал ей денег.

Она затушила сигарету, достала из сумочки пудреницу, посмотрелась в зеркальце и пуховкой припудрила лицо.

— Можете что-нибудь добавить?

— Потом начался сильный ливень. Меня позвали пить чай, и больше я ничего не видела.

— Спасибо большое, вы нам очень помогли, — сказал Вишневский.

Она улыбнулась, попрощалась и с достоинством вышла из кабинета.

Зашёл Афанасий и доложил, что дворник Пётр Иванович пьян, громко поёт песни и прийти никак не может.

Миколай попросил художника нарисовать дома ещё несколько портретов подозреваемого и, поблагодарив за сотрудничество, отпустил домой.

Глава 5

КРОВЬ. ВОДА. ЛУНА.

Екатерина Алексеевна позвонила в дверь коммунальной квартиры ровно в назначенный день и час — в субботу, в десять утра.

Дверь открыла гадалка Зара. На ней был привычный красный платок, небрежно накинутый на плечи, с вплетённой золотой нитью и витиеватыми узорами. Она быстро оглядела молодую девушку с головы до ног и, ничего не сказав, отступила в сторону, пропуская внутрь.

Екатерина оказалась в длинном узком коридоре. У входа висела перегруженная вешалка: тяжёлые пальто, плащи, клетчатые шарфы — всё вперемешку. У стены стояли мужские сапоги, подсохшие, но всё ещё покрытые уличной пылью. На тумбочке лежала вчерашняя «Ленинградская правда», рядом стоял — чёрный телефон с круглым диском и тяжёлой на вид трубкой.

В коридоре пахло чем-то жареным — то ли луком, то ли капустой. Из-за ближайшей

двери донёсся сухой кашель. Екатерина на мгновение задержалась, поправила перчатки и прошла дальше.

Зара шла впереди, не оглядываясь. В ней было что-то от человека, который одинаково уверенно может и судьбу предсказать, и легко назвать цену своим словам.

Она вошла в комнату, кивком указала Екатерине Алексеевне на стул и достала из ящика стола колоду.

Карты были засаленными, с мягкими от частого использования углами. Гадалка столько раз перебирала их и раскладывала карты перед клиентами, что теперь они не шуршали — скорее, тихо шептали.

В комнате стоял густой запах табака, смешанный с дешёвыми духами и чем-то аптечным. Казалось, здесь пытались лечить не тело, а судьбу. На подоконнике лежали засохшие травы, рядом стояло мутное зеркало с трещиной по краю.

— О чём спросить желаете? — поинтересовалась Зара и подняла глаза. Взгляд у неё был тяжёлый, внимательный — взгляд человека, который будто уже всё понял и теперь ждёт, когда ты сам это произнесёшь.

Екатерина Алексеевна замялась.

— О любви.

Зара едва заметно усмехнулась.

— Все о ней спрашивают... Тогда — «сердце».

Она перетасовала карты быстро и ловко, не глядя. Пальцы у неё были желтоватыми от табака, а на безымянном пальце поблёскивало толстое потёртое золотое кольцо.

— Левой рукой поднимите.

Екатерина Алексеевна послушно сделала, как велели.

Карты легли на стол. Зара разложила их в определённую фигуру — медленно, будто каждая карта давно знала своё место.

Десятка червей.

Рядом — бубновый валет.

Зара задержалась на нём чуть дольше, чем следовало.

Гадалка потянулась за папиросой «Беломорканал», чиркнула спичкой. Огонёк на мгновение осветил её лицо — резкое, усталое, с глубокими тенями под глазами.

Она затянулась и выпустила дым в сторону.

— Вижу... — сказала она хрипло. — Любовь есть.

Пауза.

— Только не к тому, с кем живёте.

Екатерина Алексеевна побледнела.

— Вы... уверены?

Зара слегка склонила голову, теперь рассматривая не карты, а её лицо.

— Карты редко врут. Люди — чаще.

Она коснулась пальцем валаета.

— Вот он. Уже рядом ходит. Не первый день.

Екатерина невольно сжала пальцы.

— Кто это?

Зара прищурилась. На мгновение показалось, что она решает — сказать или промолчать.

— Шатен. Не военный... — пробормотала она. — Руки не рабочего.

И вдруг чуть усмехнулась:

— Художник, что ли, или музыкант.

Она стряхнула пепел прямо на стол.

— В синем шарфе будет. Запомните.

Пауза.

— С ним беспокойно. Зато почувствуете вкус к жизни.

Екатерина молчала.

Зара наклонилась ближе и почти шёпотом добавила:

— Только вы и без меня это знали.

Екатерина Алексеевна молча открыла сумочку и достала сложенную вдвое зелёную купюру. Пять рублей, чуть потёртые, словно они уже успели побывать в руках не одной чужой судьбы.

Она положила деньги на край стола.

Зара даже не взглянула на них. Ловко, почти машинально, смахнула купюру в карман пёстрой юбки.

— Приходите, если что, — сказала она уже другим тоном — деловым, усталым. — И запомните: карты не врут. Это люди любят притворяться.

Екатерина кивнула, хотя никто этого не ждал, и направилась к двери. Она не попрощалась.

Дверь за ней закрылась не сразу, будто кто-то ещё на секунду задержал её, провожая взглядом.

В коридоре снова пахло едой. Где-то хлопнула форточка. Екатерина медленно пошла к выходу, словно боялась обернуться.

Только на лестнице она остановилась и глубоко вдохнула. Воздух здесь был холоднее и чище.

Она машинально коснулась шеи.

Слова Зары не покидали её.

«Шатен. Художник или музыкант. В синем шарфе».

Екатерина закрыла глаза на мгновение, потом быстро спустилась вниз.

Дверь подъезда захлопнулась за ней глухо.

— --

В комнате стало тихо.

Зара стояла у стола, не двигаясь.

Потом потянулась, потушила папиросу о край блюда и медленно собрала карты в колоду.

На секунду задержалась. Вытянула одну карту — бубнового валета — и перевернула её рубашкой вверх.

— Художник... — пробормотала она

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.